

СУПЕРТОТО
95 лет Тото

Величайший комик современности. Итальянский Чарли Чаплин. Без малого полвека работал он на театре, выступал в варьете и режиссировал в кино, создавая персонажа, маску, в которой возвышенно-романтическое начало века прошлого сочеталось с реалистической сатирой на современного маленького человека. Он был марионеткой, послушной невидимому кукловоду, и он был обычным человеком, неаполитанцем, хитрым, ловким, лживым, но вместе с тем доверчивым и простодушным. И в его артистическом арсенале также сочетались традиционные приемы игры, основанной на импровизации, восходящей к комедии дель'арте, и глубокое проникновение в характер человека из народа.

Однако главным свойством Тото был биологический, иррациональный комизм. «Комиком не становятся, комиком рождаются», — неоднократно повторял Тото фразу, которая применительно к нему является абсолютной истиной. Он был смешным: его фигура, ассиметричное лицо, его развинченная пластика, когда все части тела двигались в своем ритме, его повадки, острословие — все это сделало его уникальным и неповторимым.

Он любил жизнь, которая была для него неисчерпаемым источником тем и сюжетов, характеров и персонажей. Но будучи человеком театра, он игровую стихию привносил и в жизнь, превращая ее в грандиозный спектакль, название которому ТОТОТИАНА.

Действие первое
ПРИНЦ И НИЩИЙ

Тото родился 15 февраля 1898 года. Его мать была простолоудинка, отец — неаполитанский аристократ. Впрочем, он тоже был беден, но — «положение обязывает» — труд презирал, неравный брак считал для себя невозможным, сына не признал, хотя материально, как мог, помогал. Рос Тото в самом бедном квартале Неаполя, в районе трущоб, где сполна познал нищету. Обделен был мальчик и родительской любовью,

отчего впоследствии, в уже зрелом возрасте, стремление создать семью, окружить близких душевным теплом и материальным благополучием стало для него навязчивой идеей, манией и приносило наряду с радостью немало огорчений.

В 1924 году двадцатилетний Тото, болезненно переживавший свою незаконнорожденность, потребовал от родителей, связь которых продолжалась, заключить законный брак, избавить его, наконец, от унижений и дать возможность носить фамилию Де Куртис. Благородный отец, смахнув слезу умиления, уступил. Но память о безродном детстве была так глубока, что спустя десять лет, когда у Тото родилась дочь Лилиана, он, переворотив семейный архив, обнаружил документ, относящийся к 362 году и свидетельствующий, что фамилия Де Куртис восходит к династии Византийских императоров Фоки Комнинов. Наняв адвокатов, истратив кучу денег, Тото добился титула полагавшегося ему по праву и стал зваться Антонио Де Куртис, герцо

Комниан Византийский. С тех пор к комику Тото обращались не иначе, как «ваша светлость». Правда, злые языки утверждали, что Тото просто купил герцогский герб, но он находил это настолько смешным, что даже сочинил на эту тему скетч.

Человек приходит в магазин и спрашивает у продавца: «Простите, нет ли у вас принципата?» — «Принципат стоит 10 миллионов», — отвечают ему. Тогда благородный сосискатель, пересчитав деньги, говорит: «Нет, это для меня слишком дорого, придется сегодня ограничиться баронатом».

Действие второе
БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК

Стремление Тото к благородству и роскоши было призвано компенсировать воспоминание об удручающей нищете — этом самом сильном впечатлении детства, ставшем настоящей травмой. Тото держался и одевался как истинный аристократ, и в доме его окружали красивые, изящные вещи, за которые он платил баснословные деньги. Слуга, прислуживавший за столом, всегда был в безукоризненно белых перчатках. Но при этом прислуга в доме обедала раньше, чем хозяева. «Они не должны думать, что доедают наши объедки», — говорил Тото.

В швейцарской всегда лежали письма бедняков с просьбой о помощи. Раз в неделю автомобиль Тото, груженный одеждой, едой, игрушками, лекарствами, отправлялся по адресам просителей, которым он везл помощь. Бывая в Неаполе, Тото еженощно ходил в свой родной квартал Саниту и оставлял под дверями самых бедных семей конверты с деньгами. Как-то один ревнивый муж, вооружившись знаменитой лупарой, выследил Тото. «Из любви к Господу нашему, — взмолился актер, — не выдавайте меня. Ведь нет ничего прекраснее делать добро, не дожидаясь благодарности».

Тото не позволял прислуге чистить его ботинки, считал это оскорбительным. Но в Неаполе был один чистильщик сапог, страшно нуждавшийся, и Тото обращался к нему,

и платил ему весьма солидные деньги. Однажды после большого перерыва Тото приехал в Неаполь и пошел к своему чистильщику. «Ваша светлость», — сказал тот, — «Вы должны мне за два месяца». — «Этого не может быть. Ровно столько я не был в Неаполе». — «Вот именно, вы лишили меня твердого заработка». Тото понял бедняка и с тех пор ежемесячно переводил ему означенную сумму.

Действие третье
ВЕРА И СУЕВЕРИЯ

Артистическая, чувствительная натура Тото делала его человеком верующим. И она же делала его суеверным. Он боялся чисел — 13 и 18, дней недели — вторника и пятницы, завидел кошку, спасался бегством, не разбираясь, черная она или серая. Он боялся глаза и колдунов, которые различал по форме глаз с опущенными углами и загнутому книзу носу. Он даже разработал свой, поистине макнавелистский способ защиты от «черных сил» — тоже род спектакля, особая игра.

Ящики письменного стола, карманы пиджаков Тото были буквально забиты изображениями всевозможных Святых. Но совершенно особые отношения, которые можно было бы назвать любовью-ненавистью, сложились у него со Святым Антонио. Тото всегда обращался к нему за помощью, хотя в глубине души не доверял, потому что Святой «подстроил» его именины на 13-е июня. И тем не менее изображение своего небесного тезки он держал в спальне, у кровати, и перед сном обращал к нему свои мольбы. И наказывал его, если тот не выполнял лупарой. Он отворачивал изображение лицом к стене, приговаривая: «Прости меня, но ты сам виноват. С друзьями так не поступаешь». Правда, уже через полчаса Тото оттаивал, чувствовал себя грешником и, возвращая изображение Св. Антонио на место, бормотал: «Прости, если я тебя обидел. Просто ты являешь свою милость в следующий раз».

Действие четвертое
ЖЕНЩИНЫ И РОКОВАЯ ЖЕНЩИНА

Женщины, как и театр, лейтмотив жизни Тото. Романтический поэт, Казанова по натуре, он умел ухаживать красиво и самозабвенно, одаривая возлюбленных пылкими чувствами и щедрыми подарками. Красавец-мужчина, блистательный актер, знаменитость, аристократ, он всегда был окружен вниманием и любовью женщин.

Первые значительные любовные приключения Тото относятся к началу его артистической карьеры. Певички, балерины, субретки, не отличаясь избытком стыдливости, отдавались молодому актеру без долгих угворов. В соответствии с моралью той эпохи, невинность требовалась от супруги, а от возлюбленной — страстность и искусственность. Женщины для Тото были объектом наслаждений и давали новые эмоциональные импульсы в творчестве.

Два романа оставили особый след в памяти Тото. Первый — с настоящей маркизой — произошел, когда Тото было 27 лет, и когда сам он не был ни знатым, ни богатым. Мария, зрелая, сорокалетняя женщина, необычайной красоты и утонченности, влюбилась в Тото с безотчетной страстью. Она искусно усыпляла полдозрения мужа и приезжала в любую часть Италии, где бы Тото ни находился. Он был польщен, его распырала гордость бывшего уличного мальчишки, которому удалось соблазнить знатную даму. Но если этот роман закончился мирным расставанием, то другому — с субреткой Лилианой Кастаньола — была уготована трагическая развязка.

Лилиана являла собой классический тип роковой женщины своего времени. Мужчины стрелялись из-за нее на дуэлях, попадали в нервные клиники, кончали с собой. Ну, а промотанным ею состояниям не было числа. Но появилась Тото, и она, уничтожавшая мужчин лишь намском на свою немилость, превратилась в трепетную возлюбленную. Она любила, он позволял быть лю-

бимым. Лилиана старалась привязать возлюбленного к себе и совершила непоправимую ошибку, предложив Тото создать их собственную труппу на ее деньги. Тото не терпел, когда покушались на его главенство в любви или в делах, и объявил Лилиане, что уходит. Не совладав с отчаянием, молодая женщина покончила с собой.

В 33 года Тото влюбился. «Роковой женщиной» оказалась школьница, не достигшая еще 16 лет. Правда, говорят, что девушка была божественно хороша, и имя у нее было божественно — Диана. Тото сделал ей предложение в первую же встречу, чем не мало смутил ребенка. Смутил, но и взволновал. Школа, одноклассники — все померкло, и Диана, положив в школьный портфель ночную рубашку, сбежала из дому к своему amato bene.

Девочка-невеста не знала своего будущего, но женская интуиция подсказывала, их любовь фатальна.

Тото-супруг оказался безумным ревнивцем. Покупая Диане дорогие туалеты, он позволял носить их только дома, чтобы другие мужчины не видели, как она красива. Уходя в театр, Тото запирали молодую жену в квартире. Но и этого ему было мало: он вкладывал в дверь кусочек бумаги, чтобы знать наверняка, что она не выходила. Если же он и брал Диану в театр, то заставлял все время стоять в кулисах, чтобы в любой момент она была на глазах.

Страх оказаться «рогоносцем» стал его верным спутником-кошмаром. В поезде Тото закупал купе целиком, дабы случайный попутчик не сел с ней рядом. «Диана, — говорил Тото, — лучше бы ты была маленькой-маленькой, чтобы я мог положить тебя в коробочку и всегда носить в жилетном кармане». Но это было невозможно, и даже наоборот — Диана выросла и становилась еще красивее. И тогда Тото принял новое решение — расторгнуть брак, но продолжать жить вместе. Это давало ему сразу два преимущества: во-первых, Диана доказала бы свою преданность и любовь; во-вторых, в случае «чего», он уже не мог бы считаться «рогоносцем». Диана превозмогла оскорбление и согласилась.

Развод взбудоражил Тото: он и Диана стали еще более пылкими возлюбленными. Но обретенная свобода тоже манила. Сделавшись снова «синьорино», женихом, Тото открыл новую главу амурных похждений. Как актер, он черпал в них вдохновение, как мужчина — тешил самолюбие, и при этом оставался супругом, которого всегда ждали. Своими романами Тото охотно делился с Дианой, превращая ее в сообщницу и вместе с тем, как он считал, доказывая свою верность ей, самой лучшей, самой любимой. Брак превратился в фарс, который в жизни, как и на сцене, должен был иметь свой финал. Они расстались. Тото тяжело пережил уход Дианы. Два года депрессии и затворничества. Но жизнь и творчество были для него сообщающимися сосудами и лучшие свои стихи он написал именно в эти годы.

Действие пятое
ЗАНАВЕС ОПУСКАЕТСЯ

Нередко судьба бывает жестока к собственным же избранникам. В 1957 году Тото начал слепнуть и последние десять лет прожил в темноте, утратив возможность видеть красоту жизни, которая была для него театром в естественных декорациях. И тем не менее он творил: писал стихи, снимался в кино. Снова и снова смешил — до слез, сквозь слезы — своих зрителей, которых уже не мог видеть.

Умер Тото 15 апреля 1967 года. Его похороны стали последним выходом на сцену, превратились в грандиозный спектакль с многотысячной массовой кучер. Люди несли цветы и боль, отдавали последнюю дань своему кумиру, неисправимому жизнелюбу, своему Тото.

«Если бы Тото заранее задумал организовать свои похороны, — напишет позднее его дочь, — он бы хотел, чтобы все так и выглядело». Но даже Тото, и уж тем более его близкие, и подумать не могли, что похороны состоятся дважды. Второй раз в Неаполе, срежиссированные главой местной мафии по прозвищу Собачий Нос, которого в свое время свел с Тото случай и который стал его покровителем. Это он организовал отпевание и панихиду в городе, который Тото обессмертил своим искусством. Траурно декорированная церковь... Пустой гроб, который торжественно несли на плечах гориллы мафии... Неаполитанцы, по черневшие от горя и скорби... И уход под гром аплодисментов... Новая церемония — еще одна сценическая находка на грани готики и сюрреализма.

«Супертото» — антология лучших ролей прославленного артиста, только в кино сыгранного в 130 картинах. Возвращение великого комика, дарующего людям радость, опти-

Тото: театр был для него жизнью, а жизнь он превратил в театр.

мизм, страсть к зрелищу, фантазии, игре.

— Ваше светлость, вы для меня, ну, как Святой Януарий, — сказал ему однажды кучер — неаполитанец.

— Только не надо преувеличений! — воскликнул в ответ Тото. — И, пожалуйста, оставим в покое святых.

— Э-э, нет, мое сравнение в точку, — возразил кучер. — Вы же чудеса из ничего делаете, когда заставляете нас смеяться, забывая обо всех наших бедах и несчастьях.

Л.АЛОВА
О.БОБРОВА

(по материалам книги
Лилианы Де Куртис
«Тото — мой отец»).

**НА ВОЛНЕ
"М-РАДИО"
В ОТКРЫТОЕ
МОРЕ
БИЗНЕСА!**

Москва и Подмосковье
круглосуточно
слушают наши
программы
и
**ВАШУ
РЕКЛАМУ**
в УКВ-диапазоне
на частоте 71,3 мГц.

Телефоны для размещения
рекламы:
(095) 282 34 28
(095) 280 54 51
127427, Москва,
ул. Академика Королева, 15.